

Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России¹

К постановке проблемы

Согласно данным ООН, Российская Федерация занимает второе место в мире (после США) по количеству иммигрантов [United Nations, 2005] - свыше 12 млн. человек, что составляет 6,4% населения страны (см. табл. 1)

Таблица 1. Страны мира с наибольшим количеством иммигрантов

	Количество иммигрантов	Доля иммигрантов в популяции (%)
США	38,354,709	20.2
Российская Федерация	12,079,626	6.4
Германия	10,143,626	5.3
Франция	6,471,029	3.4
Саудовская Аравия	6,360,730	3.3
Канада	6,105,722	3.2
Индия	5,700,147	3.0
Великобритания	5,408,118	2.8
Испания	4,790,074	2.5
Австралия	4,097,204	2.2
Мир в целом	190,633,564	

Рост современных межэтнических или межнациональных миграций, по мнению специалистов, является серьезным фактором вызова для мировой социальной, экономической и политической систем. Особая ситуация с этническими миграциями возникла на территории бывшего СССР после его распада и образования новых независимых государств. По оценкам Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, в результате распада СССР свыше 60 млн. человек оказалось за границей [Лебедева, 1999; Ионцев и др., 2001]. В начале XXI столетия миграция на пространстве бывшего СССР не снизила своей интенсивности.

Трудовые мигранты в настоящее время играют все более заметную роль в экономике России, сальдо миграции в Россию на протяжении многих лет остается положительным. В связи с огромным притоком разных категорий мигрантов в города Центральной и Южной России остро встает проблема взаимной культурной и

¹ Исследование поддержано Научным Фондом ГУ-ВШЭ «Учитель-Ученики» 2008-2009 гг. (№ 08-04-0007) и РГНФ (№ 08-06-00702а).

психологической адаптации мигрантов и принимающего населения. В целях снижения межэтнической напряженности необходимы эмпирические исследования взаимных установок и ожиданий мигрантов и принимающего населения, степени их реципрокности (совпадения-несовпадения), а также - стратегий межкультурного общения в практике повседневного межгруппового и межличностного взаимодействия. Адаптация и аккультурация трудовых мигрантов и их потомков в России имеет не только социальное значение, она связана с экономическим благополучием и процветанием России в будущем.

Все чаще причинами асоциальных явлений в поликультурном мире становятся межнациональные, межрасовые конфликты, неприятие людьми друг друга, непонимание необходимости жить в поликультурной среде, а, скорее всего, и неумение к ней адаптироваться [Boucher et al., 1987; Pain, 2007]. В то же время необратимая глобализация, общий уровень политических и экономических отношений предполагает укрепление международных связей, превращение современного человека в «человека мира», что означает возможность его комфортного пребывания в любой, в том числе и поликультурной, среде. Именно поэтому в последнее время стали актуальны исследования, связанные с проблемами адаптации человека в новом социуме [Lee et al., 1999].

Анализируя процессы и результаты миграционных потоков, исследователи часто обращают внимание на свойства мигрантов, которые тем или иным образом способствуют их включению в новую культурную среду. Однако не менее важным представляется изучение факторов принимающей среды, характеристик доминирующей этнической группы для того, чтобы определить успех взаимодействия представителей различных этнических групп, а также судить о выбираемых стратегиях их взаимодействия. Немалая часть конфликтов иммигрантов и принимающего сообщества происходит от национального, этнического «высокомерия» коренных жителей города, региона, страны [Diaz-Guerrero, 1997].

В современной России социально-психологические проблемы этнических миграций и аккультурации разработаны недостаточно, несмотря на то, что потребность в продуманной, научно-обоснованной государственной миграционной политике чрезвычайно велика, и нужда в них чувствуется с каждым годом все острее.

В этой связи основная цель данного исследования – выявление факторов, способствующих успешной взаимной аккультурации мигрантов и принимающего населения в регионах России.

Психологические проблемы этнических миграций и аккультурации мигрантов

Под этническими миграциями понимаются случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса (или его длительного проживания) и переселяются в иное географическое или культурное пространство [Лебедева, 1999].

Психологические проблемы этнических миграций связывают со следующими сторонами процесса миграции:

- а) причины и мотивы миграции и эмиграции;
- б) адаптация мигрантов к иной этнокультурной среде;
- в) адаптация мигрантов к иной природной (географической) среде;
- г) трансформация этнической идентичности у различных поколений мигрантов.

Неизбежным результатом массовых этнических миграций становятся межэтнические (межкультурные) контакты на групповом уровне, когда мигранты вступают в более или менее длительное межкультурное взаимодействие с представителями доминирующей культуры. В современной науке описаны варианты

этнических процессов, сопровождающих миграцию: ассимиляция, сегрегация, маргинализация, интеграция и т.д.

Несмотря на обилие эмпирических исследований в современной западной кросс-культурной психологии, проблема психологической аккультурации мигрантов до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных.

Общим положением является мнение, высказываемое большинством ученых, о стрессогенном воздействии новой культуры, с которой сталкиваются мигранты в результате географического передвижения, о том, что контакт с иной культурой вызывает нарушение психического здоровья, более или менее выраженное психическое потрясение, для обозначения которого в кросс-культурной психологии введен термин **"культурный шок"**. "Культурный шок - это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он неожидан, а частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры" [Furnham & Bochner, 1986].

Антрополог К.Оберг, первым использовал этот термин, выделив 6 аспектов культурного шока:

- 1) **напряжение**, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации;
- 2) **чувство потери или лишения** (друзей, статуса, профессии и собственности);
- 3) **чувство отверженности**, представителями новой культуры или отвержения их;
- 4) **сбой** в ролях, ролевых ожиданиях, ценностях, чувствах и самоидентификации;
- 5) **неожиданная тревога**, даже отвращение и негодование в результате осознания культурных различий;
- 6) **чувство неполноценности** от неспособности "совладать" с новой средой.

К.Оберг пишет, что каждая культура имеет множество символов социального окружения, как вербальных, так и невербальных (жестов, мимики) способов общения, с помощью которых мы ориентируемся и действуем в ситуациях повседневной жизни, и что наш душевный мир зависит от этих сигналов, многие из которых мы даже не осознаем. И когда вся эта незримая система свободной ориентации в мире внезапно становится неадекватной в условиях новой культуры, человек испытывает глубокое нервное потрясение [Oberг, 1960; Лебедева, 1999].

Исследователи, работавшие после Оберга, рассматривали культурный шок как нормальную реакцию, как часть обычного процесса адаптации к культурному стрессу и проявление стремления к более понятной, стабильной и предсказуемой среде.

С начала 90-х годов более предпочитаемой и адекватной моделью изучения психологической адаптации мигрантов (по сравнению с господствовавшей в 70-80-х годах нашего века моделью "культурного шока"), считается так называемый **"стресс аккультурации"** [Berry, 1990].

Классическое определение аккультурации было дано в русле культурной антропологии в 1936 году: **"Аккультурация означает феномен, появляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, следствиями которого являются изменения элементов исходной культуры одной или обеих групп"** [цит. по Berry, 1990].

Таким образом, понятие аккультурации определяет изменения в исходной культуре вследствие групповой миграции и их результаты.

Данная модель описывает ситуацию, когда люди, адаптируясь в иной культуре, не могут с легкостью изменить свой поведенческий репертуар, и у них появляется серьезный конфликт в процессе аккультурации.

Преимущества этой модели:

- связь с психологическими моделями стресса;
- термин "шок" подразумевает негативный опыт, а в стрессе доступны и другие психологические процессы (оценка проблемы и стратегии преодоления стресса);

- источники возникших проблем лежат не в культуре, а в межкультурном взаимодействии (в процессе аккультурации).

Д.Берри предложил концептуальную схему для изучения аккультурации (см. рис. 1.)

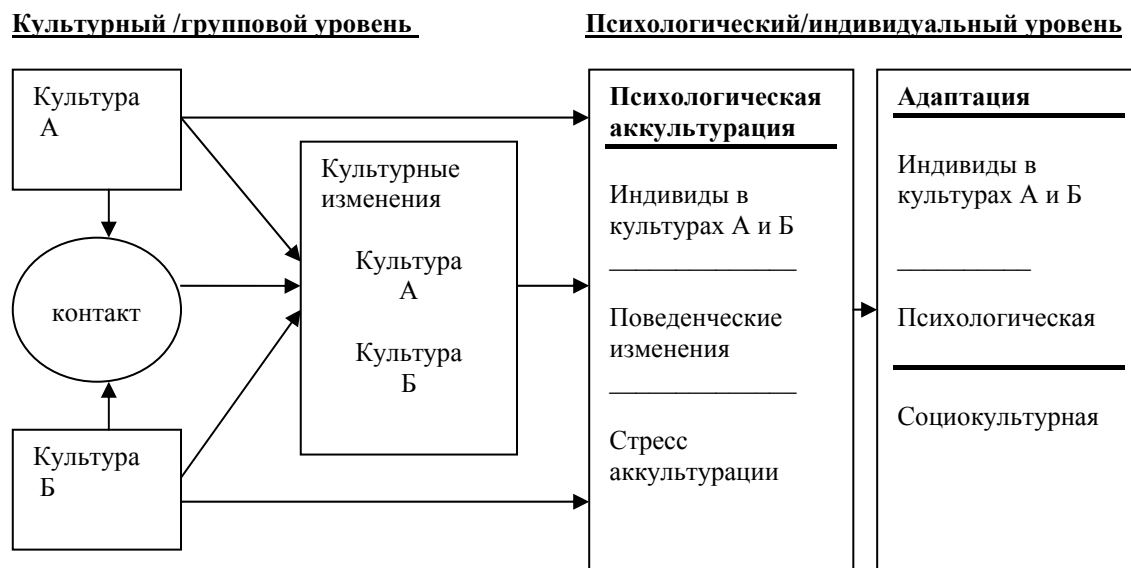

Рисунок 1 Концептуальная схема изучения аккультурации [Berry, 2003]

На этой схеме представлены два уровня анализа: групповой (культурный) и индивидуальный (психологический). На уровне культуры вступающие в контакт группы (доминирующие или недоминирующие) обычно обладают неким представлением о своих действиях (например, мотивы миграции, колониальная политика) или, наоборот, о том, какому влиянию они подвергаются во время контакта. Подобным образом стратегические цели этнокультурных групп оказывают влияние на выбираемые стратегии взаимной аккультурации.

На индивидуальном уровне изменения в поведении, а также проявления стресса аккультурации в какой-то степени оказываются под влиянием действий, совершаемых в процессе аккультурации, а долгосрочные результаты (психологическая и социокультурная адаптация) соответствуют стратегическим целям групп, к которым принадлежат индивиды.

В современной литературе по аккультурации проводится разделение между социокультурной и психологической адаптацией как конечными результатами долговременной аккультурации.

Психологическая адаптация относится к совокупности внутренних психологических последствий (ясное чувство личной или культурной идентичности, хорошее психологическое здоровье и достижение психологической удовлетворенности в новом культурном контексте).

Социокультурная адаптация относится к совокупности внешних поведенческих следствий связи индивидов с их новой средой, включая их способность решать ежедневные социально-культурные проблемы (в семье, в быту, на работе и в школе).

Причины концептуального разделения двух на практике связанных между собой типов адаптации таковы:

- факторы, влияющие на эти два типа адаптации, часто различны,
- психологическая адаптация может быть лучше проанализирована в контексте стресса и психопатологии, а социокультурная - в русле концепции социальных навыков .

В настоящее время введен третий вариант адаптации - экономическая адаптация. Она характеризуется наличием или отсутствием работы, удовлетворенностью ею, уровнем профессиональных достижений и благосостояния в новой культуре [Лебедева, 1999].

Конечный результат аккультурации - достигнутая долговременная адаптация, которая характеризуется относительно стабильными изменениями в индивидуальном или групповом сознании в ответ на требования среды. Адаптация может привести или не привести к взаимному соответствию индивидов и среды, она может включать в себя не только приспособление, но и сопротивление, и попытки изменить свою среду или измениться взаимно.

В этом смысле адаптация - необязательно *позитивно валентный* результат, в современных подходах используется биполярный смысл понятия адаптации: она может быть крайне разнообразна и представляет собой определенный континуум от позитивных значений к негативным: от ситуации, в которой индивиды справляются со своей новой жизнью очень успешно, до той, в которой они не способны вписаться в новое общество [Berry, 1990].

Психологическая адаптация (определяемая психологической удовлетворенностью и хорошим физиологическим самочувствием) и социокультурная адаптация (то, как индивиды преодолевают трудности повседневной жизни в новом культурном контексте) эмпирически взаимосвязаны (к корреляции 0,4-0,5).

Анализ факторов, влияющих на адаптацию, выявил их взаимную дополняемость: хорошая психологическая адаптация зависит от *личностных переменных, событий жизни и социальной поддержки*, а хорошая социокультурная адаптация зависит от *знания культуры, степени включенности в контакты и межгрупповых установок* [Лебедева, 1999].

Понятие о стратегиях аккультурации

Согласно теории аккультурации, разработанной Д. Берри, процесс вхождения в новую культуру связан с двумя основными проблемами, которые решает иммигрант: **поддержание культуры** (в какой степени им признается важность сохранения культурной идентичности) и **участие в межкультурных контактах** (в какой степени ему следует включаться в иную культуру или оставаться среди "своих").

В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основных стратегии аккультурации: *ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция* [Berry, 1990] – см. рис.2 (слева).

Ассимиляция - вариант аккультурации, при котором эмигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит.

Сепарация означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности.

Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, результатом является этнокультурная **маргинализация**. Это может быть следствием отсутствия возможности (или интереса) поддержания культурной идентичности (часто из-за вынужденных или навязанных культурных потерь) и отсутствия желания установления отношений с окружающим обществом (из-за отвержения доминирующей культурой или дискриминации).

Интеграция характеризуется идентификацией как со старой, так и с новой культурами.

Согласно данным многочисленных исследований, эмигранты, прибывающие на постоянное жительство, более склонны к ассимиляции, чем временно пребывающие в данной стране. В свою очередь, люди, эмигрирующие в целях получения образования или экономических, ассимилируются довольно легко, в то время как беженцы (refugees), как

бы "вытолкнутые" политическими катаклизмами, психологически сопротивляются разрыву связей с родиной, и ассимилируются гораздо дольше и с большими трудностями [Furnham, Bochner, 1986].

В более ранних исследованиях считалось, что лучший вариант культурной адаптации - ассимиляция с доминирующей культурой. Современный взгляд на данную проблему - что более реальным и более успешным для этнических меньшинств является бикультурализм, достигаемый в процессе интеграции.

При этом этническая сохранность (сохранение этнической идентичности), долгое время рассматриваемая как дисфункциональная, на самом деле может играть позитивную роль по уменьшению культурного шока для недобровольных мигрантов и поддержания позитивной самоидентификации [Berry et al., 1992].

Две главные цели, преследуемые в процессе аккультурации, изначально рассматривались только с точки зрения недоминирующих этнокультурных групп. Однако определения аккультурационного процесса указывали на то, что в него включены обе контактирующие группы. Поэтому в 1974 году было добавлено измерение влияния доминирующей группы на процесс взаимной аккультурации [Berry, 1974, 1980]. Введение этого измерения привело к появлению дублирующей структуры аккультурации (на рисунке 2 справа). Ассимиляция, проводимая доминирующей группой, получила название стратегии *плавильного котла*. Сепарация в терминах доминирующей группы становится *сегрегацией*, а маргинализация – *исключением*. Наконец, в случае интеграции, когда культурное разнообразие становится целью общества в целом, говорят о стратегии взаимного приспособления или *мультикультурализма*.

В случае с доминирующей группой *стратегии аккультурации* получили название *аккультурационных ожиданий* [Berry, 2003], а вместе их можно определить как *стратегии межкультурного взаимодействия*.

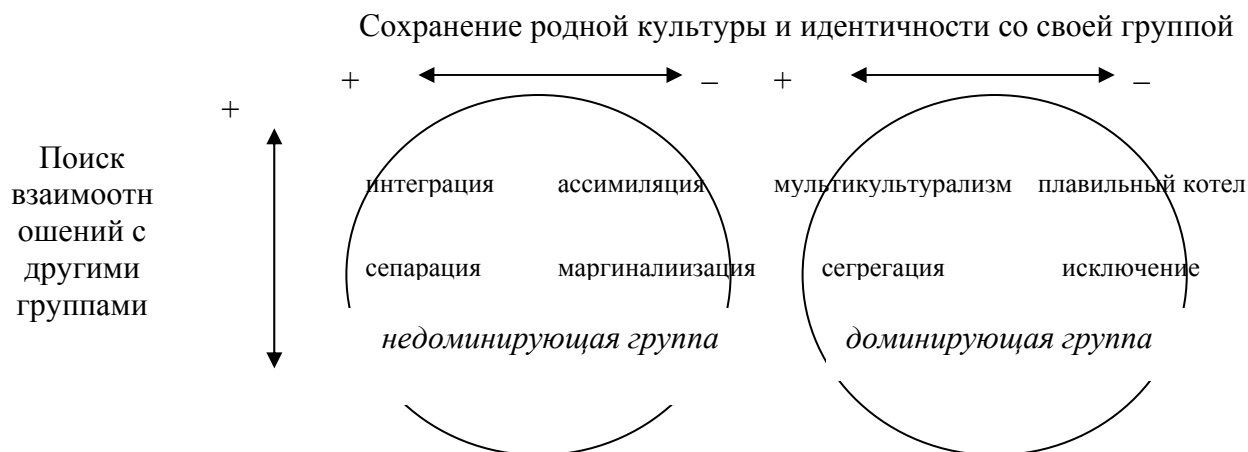

Рисунок 2. Стратегии межкультурного взаимодействия этнических групп в социуме [Berry, 2003]

Предполагается, что недоминантные группы и их члены свободны в выборе стратегии аккультурации, но это не всегда так. Выборы стратегий аккультурации, как и установки на них, могут широко варьировать [Berry, 1990].

Было проведено множество исследований аккультурационных стратегий в недоминирующих группах [Sam & Berry, 2006]. В большинстве исследований интеграция оказалась самой предпочтительной, а маргинализация – наименее желательной стратегией. Одно из самых известных исключений – турки в Германии [Piontkowski et al., 2000] и турки с низким социально-экономическим статусом в Канаде [Ataca & Berry,

2002], которые предпочитают сепарацию интеграции. Подобные результаты были получены для некоторых коренных народов в разных странах мира [Berry, 1999], однако в большинстве случаев стратегия интеграции оказывается наиболее предпочтительной [Mishra, Sinha & Berry, 1996]. Недавние исследования [Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006] молодых иммигрантов в тринадцати странах мира показали, что четыре типа аккультурационных установок соответствуют определенным типам поведения в процессе аккультурации, типам формирования культурной идентичности и уровням владения языком. В итоге были сформулированы четыре индивидуальных типа (называемые *аккультурационными профилями*), которые соотносятся с четырьмя аккультурационными стратегиями, описанными выше.

Несмотря на то, что изначально аккультурация понималась как взаимный процесс, исследований *аккультурационных ожиданий* представителей доминирующих групп гораздо меньше. В Канаде реализуется программа, использующая шкалу *мультикультурной идеологии* для опроса жителей по всей стране. Эта шкала составлена из вопросов на поддержание стратегии интеграции (на положительном полюсе шкалы) и вопросов на поддержание трех других стратегий (на отрицательном полюсе). Согласно результатам исследования, с начала 80-х гг. предпочтение стратегии мультикультурализма (интеграции) возросло приблизительно с 65% до 70%, что свидетельствует об общем и возрастающем признании мультикультурной модели поликультурного общества [Berry & Kalin, 1995].

Другой подход к этой проблеме представлен исследованиями Горенчика [Horenczyk, 1997], который изучал восприятие русскими иммигрантами в Израиле *аккультурационных ожиданий* израильтян. Чаще всего иммигранты отмечали, что от них ожидают аккультурации по типу интеграции, реже они отмечали ожидания аккультурации по типу ассимиляции и сепарации. Такая закономерность объясняется массовым отходом от идеологии ассимиляции, ранее доминировавшей в Израиле. Новые установки и ожидания учитывают аккультурационные стратегии иммигрантов, которые в большей степени ориентированы на интеграцию.

Исследование установок принимающего общества, проведенное в Европе на выборках из Германии, Швейцарии и Словакии, показало, что в целом, стратегия интеграции оказалась наиболее предпочтительной, хотя степень выраженности предпочтений различалась для доминирующей и недоминирующей групп. Например, в доминирующих группах Германии и Швейцарии, склонность к интеграции не сильно превосходила предпочтение ассимиляции, кроме того, швейцарцы выражали значительное стремление к сепарации и маргинализации мигрантов из бывшей Югославии. В Словакии были выявлены близкие по уровню соотношения: примерно по 30% в пользу интеграции, ассимиляции и маргинализации по отношению к проживающим в стране венграм. Между стратегиями доминирующей и недоминирующей групп было выявлено несоответствие, особенно для турков в Германии, для югославов в Швейцарии и венгров в Словакии [Piontkowski et al., 2000].

Что касается других ограничений выбора стратегии аккультурации, то, например, физические черты могут «противопоставлять» иммигрантов принимающему обществу (корейцы в Канаде или турки в Германии). В результате такие люди становятся объектом предрассудков и дискриминации и, следовательно, поневоле ассимилируются, чтобы не быть отвергнутыми [Berry et al, 1992].

Как показывает мировой опыт, только интеграция может быть добровольно выбранной и успешной стратегией аккультурации у групп этнических меньшинств, когда основные установки доминирующей группы по отношению к культурным различиям - открытость и принятие.

Для достижения интеграции требуется **взаимное приспособление**, включающее в себя принятие обеими группами права всех этнических групп жить как культурно различные народы. Эта стратегия требует от недоминантной группы адаптации к

основным ценностям доминирующего общества, а доминирующее большинство должно быть готово адаптировать свои социальные институты к потребностям всех этнических групп мультикультурного общества.

Психологические парадигмы межкультурного взаимодействия

В 90-е годы XX столетия проблема межкультурных контактов и их последствий, часто трагических, стимулировала особый интерес социальных психологов к изучению психологической природы межэтнического взаимодействия. Могут ли культурно-различные группы жить в одном государстве на равных правах, без взаимных обид, столкновений, претензий на доминирование? Если могут, то каковы психологические факторы, лежащие в основе толерантного межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия? Как рост значимости этнической и религиозной принадлежности в жизни людей влияет на рост этнической и конфессиональной толерантности-интолерантности? Все эти вопросы не только и не столько лежат в поле научных интересов специалистов, сколько вызваны реальной практикой межэтнического взаимодействия в России после распада СССР.

Изучение меэтнических установок в поликультурных обществах в прошлом преимущественно сводилось к исследованию установок этнического большинства (или всего общества) по отношению к этническим меньшинствам. Социальная психология этнических предубеждений развивалась преимущественно в США и представляла собой установки белого большинства европейского происхождения по отношению к чернокожим, евреям и другим меньшинствам [Duckitt, 1994]. Установки же меньшинств по отношению к этническому большинству и взаимные установки разных этнических групп по отношению друг к другу изучались намного реже. Однако, в поликультурном обществе более адекватным является множественный сравнительный подход, когда анализируются взаимные установки (аттитюды) представителей разных этнических групп [Berry, 1984].

Одними из немногих исследований установок этнических групп в поликультурном обществе являются исследование Бревера и Кемпбелла, изучавших взаимные аттитюды нескольких этнокультурных групп в Южной Африке [Brewer & Campbell, 1976] и исследование Берри и Калина, изучавших взаимные установки пяти наиболее многочисленных групп в Канаде [Berry & Kalin, 1979]. Оба исследования фокусируются на таких проблемах как *этноцентризм, иерархия статусов этнических групп, согласованность межгрупповых установок, взаимность оценок* между многочисленными этническими группами в поликультурных обществах ЮАР и Канады и опираются на теоретические идеи, выраженные в работе Ле Вайна и Кемпбелла «Этноцентризм: теории конфликта, установок и группового поведения» [Le Vine & Campbell, 1972].

Согласно *теории социальной категоризации и социальной идентичности* А.Тэшфела – Дж.Тернера, одним из последствий социальной категоризации является ингрупповой фаворитизм, т.е. приписывание позитивных черт ингруппе и стремление к выигрышу своей группы [Doise & Sinclair, 1973]. Ингрупповой фаворитизм одновременно включает в себя негативное межличностное восприятие членов аутгруппы [Turner et al., 1983]. Ингрупповое предпочтение может уменьшаться, когда членство в социальной группе «пересекающееся», т.е. когда члены различных групп являются представителями аутгрупп по одному критерию (например, этничность), но членами ингрупп по другому критерию (например, религия) [Deschamps & Doise, 1978]. Также установлено [Gaertner et al., 1994], что ингрупповой фаворитизм снижается, когда члены разных групп формируют общую идентичность (например, когда объединяются в одну группу как граждане одного государства: «американцы», «швейцарцы», «россияне» и т.д.). Другим способом снизить ингрупповой фаворитизм является использование «безоценочной» дифференциации, когда группы выполняют в равной мере ценные, но разные роли [Thalhofer, 1993].

По мнению ряда ученых, теория социальной идентичности более приложима к коллективистским культурам, хотя и была разработана в индивидуалистических культурах [Hinkle & Brown, 1990].

Ряд исследований показывает, что члены коллективистских культур более сдержанны в проявлении межгрупповой дискриминации, чем члены индивидуалистических культур [Wetherell, 1982; Gudykunst & Ting-Toomey, 1988], но когда между группами существует значительная напряженность или даже ненависть, то члены коллективистских культур склонны к большей межгрупповой дискриминации, чем представители индивидуалистических культур. Люди из коллективистских культур проводят более резкие деления между членами ингруппы и аутгруппы [Triandis, 1988]. Если индивидуалисты ценят разнообразие (гетерогенность) в своей ингруппе, то коллективисты, наоборот, – внутригрупповую гомогенность, сходство [Triandis, 1995].

Социальная категоризация приводит к доминированию социальных идентичностей над личностными. Когда социальные идентичности усиливаются межгрупповым сравнением, обесценивание аутгрупп может приводить к конфликтам. Ощущение «негативной оценки» со стороны другой группы также может привести к межгрупповым конфликтам.

Социальная категоризация также приводит к деиндивидуализации, которая может спровоцировать конфликт или привести к эскалации уже имеющегося конфликта. Социальная категоризация также влияет на процесс переработки информации об аутгруппе: она упрощается, т.е. аутгруппа видится гомогенной и только стереотипная информация принимается во внимание. Упрощенная и стереотипизированная информация может лечь в основу аргументации, поддерживающей и оправдывающей конфликт [Lilli & Rahm, 1988]. Согласно исследованию Гудикунста, выраженность социальной идентичности влияет на ожидаемую приемлемость и неприемлемость «чужих» сильнее, чем личностная идентичность [Gudykunst et al., 1992].

Для понимания межгруппового поведения также важны два типа межгрупповых установок: *этноцентризм* и *мультикультурализм*.

Этноцентризм – восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры. Термин «этноцентризм» был введен У.Самнером в 1906 г., который считал, что в сознании людей существует тенденция использовать стандарты своей группы для оценки других групп, располагая свою группу на вершине иерархии и рассматривая другие группы как нижестоящие.

Принадлежность к ингруппе определяет стандарты, по которым мы оцениваем другие группы и наши ожидания от них. Чем больше поведение членов аутгруппы согласуется со стандартами поведения, принятыми в нашей группе, тем более позитивно мы их оцениваем [Brewer & Campbell, 1976]. В кросс-культурном исследовании ценностей студентов университетов, проведенном М.Бондом в 22 странах, было выявлено два универсальных измерения ценностей. Первое – Социальная Интеграция - включает ценности открытости, толерантности к другим и отказ от конкуренции, второе – Культурная Искключительность, содержащее ценности уважения традиций и культурного превосходства [Bond, 1988]. Социальная Интеграция и Культурная Искключительность близки по смыслу к измерениям ценностей, выделенных Ш.Шварцем: Открытость к изменениям и Консерватизм [Schwartz, 1992], когда на одном полюсе - принятие различий, на другом – отвержение. Согласно исследованию Штауба, вера в культурное превосходство является условием, способствующим проявлению оскорблений и насилия в отношении аутгрупп [Staub, 1990]. По мнению Бонда, насильственное подавление групп меньшинств будет сильнее выражено в обществах, разделяющих ценности Культурной Искключительности, а институты, отстаивающие права человека, будут менее поддерживаемы в обществах такого типа [Bond, 1991].

П.Смит считает, что этноцентризм отвечает потребности индивида быть включенным в группу и экзистенциальной потребности в расширении «Я» (self-

transcendence). Национальная и культурная идентификация укрепляет людей в системе смыслов, которая обеспечивает порядок и способствует обретению личного достоинства [Smith, 1992]. Несмотря на это, по мнению Смита, люди должны принадлежать к обществам, которые дают им высшие смыслы без выплаты пагубного налога в виде этноцентризма. Смит поддерживает разделение на «позитивный» и «негативный» этноцентризм, обозначая первый как «патриотизм» (забота о своей стране и гордость за нее), а второй – как «национализм» (стремление к доминированию, вера в превосходство). Т.о. люди могут ценить собственную культурную принадлежность, не отрицая ценности принадлежности к другим культурам.

Исследование, проведенное в Канаде, показало, что желание единства (интеграция) и принятие культурного разнообразия не обязательно противоречат друг другу [Berry & Kalin, 1996]. Согласно теории аккультурации Берри, члены групп могут демонстрировать четыре типа установок в межгрупповом взаимодействии: на интеграцию, ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию. В поликультурных обществах очень важно, какую установку демонстрируют члены доминирующей культурной группы, ибо она определяет контекст и государственную политику межкультурного взаимодействия.

На психологическом уровне политика “активного мультикультурализма” зиждется на двух важных положениях: 1) что члены этнических групп могут сохранять свою этническую уникальность и 2) что они чувствуют себя в безопасности в поликультурной среде [Moghaddam, 1993]. Тем не менее, не должно вызывать удивления то, что группы с высоким статусом, чувствующие себя в большей безопасности относительно сохранения своей культуры, позитивно относятся к сохранению культур всех других групп. Явные меньшинства в большей степени ощущают неуверенность в таком сохранении и чувствуют себя менее защищенными внутри социальной иерархии [Moghaddam & Taylor, 1987].

Очевидно, что если высокостатусные группы определяют критерии статусной иерархии, для членов низкостатусных групп становится проблематичным ценить свою культурную индивидуальность и чувствовать себя в безопасности. Таким образом, даже в обществах с «активным мультикультурализмом» сохраняется основа для возникновения межэтнической напряженности. Межличностное взаимодействие представителей разных культур осуществляется внутри социального контекста, который характеризует отношения между культурными группами и их представителями. В межгрупповом контакте влияющими факторами являются длительность взаимодействия, частота контактов, степень их близости, соотношение статусов групп и их численности [Bochner, 1982].

Социальное доминирование, как фактор, влияющий на межгрупповой контакт, определяет большую значимость социальной идентичности для членов групп меньшинств, чем для группы большинства, т.е. для этнических меньшинств групповые различия и характеристики более явны и более значимы. Их готовность к межгрупповому контакту в большей степени подвержена влиянию доминирующих в их группе норм, установок и стереотипов в отношении аутгрупп. При этом представители группы большинства, для которых их групповая принадлежность менее очевидна и важна, больше руководствуются в межкультурном взаимодействии личностными нормами, ценностями и установками [Sagiv & Schwartz, 1995].

Также очень важно учитывать мнение членов ингруппы относительно того, как члены аутгруппы относятся к групповым различиям. Считают ли они, что представители аутгруппы уважают их и позитивно взаимодействуют с ними или они думают, что «чужие» оскорбляют и подавляют их? Разделяют ли они «идеологию антагонизма», определяемую Штаубом (1988) как «система верований, трактующая других как противников или врагов, требующая самозащиты и превосходящей силы для обеспечения безопасности» [Staub, 1988]? Какими средствами они предполагают разрешать конфликт и каких последствий они ждут в результате взаимодействия с другими группами? Эти

ожидания на групповом уровне совпадают с пониманием справедливого взаимодействия на индивидуальном уровне [Leung, 1988]. Групповая идеология взаимодействия с другими группами может быть решающей в предсказании того, как члены группы будут взаимодействовать с представителями других культур.

Помимо вышеуказанных факторов межгруппового взаимодействия, на этническую толерантность влияют и другие факторы. Калин и Берри выявили, что этничность и социо-экономический статус коррелируют с воспринимаемой безопасностью, а географическая мобильность коррелирует с этнической толерантностью [Kalin & Berry, 1980]. Кроме того, на более позитивные межгрупповые установки влияет этническая мозаичность или поликультурность территории проживания [Kalin & Berry, 1982]. Оба эти исследования выполнены в Канаде, стране с активной публичной политикой мультикультурализма, которая воспринимается как общенациональная идея, что также способствует этнической толерантности.

Как показало исследование, представление о том, что нормы группы нарушаются «чужими», приводят к негативным установкам в отношении аутгрупп, к межгрупповой неприязни. Эти негативные установки порождают ответные негативные установки, т.о. нарушение норм может привести к эскалации конфликта. Эскалация возможна, когда есть сильная внутригрупповая идентификация, взаимные негативные установки, когда одна из групп чувствует относительное ущемление своих прав и когда группа, нарушающая нормы, обладает большей властью в сравнении с группой, чьи нормы нарушаются [DeRidder & Tripathi, 1992].

История межгрупповых конфликтов и их последствий в виде мести может усиливать воспринимаемые межгрупповые различия [Kim & Smith, 1993] и приводить к конфликтам в ситуации социальной конкуренции [Wish, Deutsch & Kaplan, 1976]. Такие личностные характеристики как этноцентризм, агрессивность и неуверенность могут способствовать более выраженной групповой дифференциации [Scott, 1965]. С другой стороны, явная идеология мультикультурализма и групповой гармонии, как показано на примере Канады и Сингапура, или разделение целей кооперации [Sherif, 1966], способствуют формированию общей, разделяемой всеми, идентичности. Также, общая личная предрасположенность к открытости [Riermann et al, 1993] и установки интернационализма [Hett, 1991] могут способствовать уменьшению фокусирования на групповых различиях.

Зарубежные исследователи также отмечают влияние *психологических измерений культур* (индивидуализм-коллективизм и избегание неопределенности) на ингрупповое-аутгрупповое поведение. Для представителей коллективистских культур характерным является более частое, широкое и одновременно более глубокое и позитивное взаимодействие с членами ингруппы, чем с членами аутгруппы, по сравнению с людьми из индивидуалистических культур [Wheeler, Reis & Bond, 1989]. Кроме этого, процессы взаимного влияния, усиления групповой гармонии и ингруппового фаворитизма также сильнее проявляются в коллективистских культурах, чем в индивидуалистических. Если люди из культур с высоким уровнем избегания неопределенности взаимодействуют с «чужаками», в ситуации, где нет четких правил, они могут игнорировать «чужих», так как будто бы их не существует.

Олпорт (1954) считал, что межгрупповые предубеждения – это проекция вины, а другие исследователи [Dollard et al., 1939], предполагали, что они вызваны вытесненной ненавистью. В настоящее время, чувства, связанные с групповой принадлежностью, считаются основой межгрупповых установок [Dijker, 1987; Standor, Sullivan & Ford, 1991].

Такие чувства как страх, недоверие, тревога имеют важнейшее значение в ситуации длительной межгрупповой неприязни. Stephan и Stephan (1985) считают, что межгрупповая тревожность растет вследствие ожиданий негативных последствий межгруппового взаимодействия для членов одной или обеих групп. Их исследование этнических групп в США показало, что тревожность является результатом низкого уровня

контактов с аутгруппой, больших различий в статусе и большой численности взаимодействующих групп. Исследование в Бангладеш выявило, что члены групп меньшинств имеют более высокий уровень межгрупповых опасений, хотя их межгрупповые контакты более часты, демонстрируют большую озабоченность количественными, нежели качественными аспектами контакта [Islam & Hewstone, 1993]. Межгрупповые опасения влияют как на большую гомогенность восприятия членов аутгруппы, так и на более негативные установки в отношении них.

Психологические факторы, влияющие на аккультурацию

Этническая идентичность. Согласно исследованиям, на межгрупповые установки больше влияют не столько стереотипы аутгруппы, сколько чувства, связанные с ингрупповой принадлежностью. [Esses, Haddock & Zanna, 1993].

Исследованиями в рамках гипотезы мультикультурализма в Канаде было установлено, что только уверенность в своей собственной *позитивной групповой идентичности* может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности - к нетерпимости, к этноцентризму, ученые приходят к выводу: «не может дальше продолжаться такое положение вещей, что выживание определенных групп зависит от уровня их этноцентризма. Реальная уверенность в таком выживании может быть предпосылкой для толерантности, которая может стать антитезой этноцентризму» [Berry, Pleasants, 1984].

Основываясь на положениях концепции Дж. Берри о психологической природе этнической толерантности и ее роли в регуляции жизнедеятельности социальной группы и на результатах собственных исследований, мы пришли к выводу, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности [Лебедева, 1997]. Позитивная этническая идентичность понимается как отнесение себя индивидом к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма.

Поздние исследования этого вопроса [Лебедева, 1997] позволили вывести социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью. В неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распадаться или становиться обратной. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и толерантности.

В рамках данного подхода было осуществлено эмпирическое этнопсихологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкессии [Лебедева, Малхозова, 2002]. Исследование показало, что позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) способствует формированию этнической толерантности в поликультурном регионе. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации способствуют появлению этнической интолерантности и установок на национальный эгоизм и разделение по этническому и религиозному признаку. Помимо позитивности – негативности этнической идентичности, на наш взгляд, важной характеристикой этнической идентичности является ее *определенность* (четкость) – *неопределенность* (нечеткость, амбивалентность) [Лебедева, Татарко, 2005].

В кросс-культурной психологии рассматривают две основные модели этнической идентичности. В линейной биполярной модели развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой (поддержание позитивной или принятие негативной этнической идентичности) и идентификация с доминантной группой (ложная идентичность – встречается у маленьких детей - и измененная в результате свободного выбора идентичность). Однако, следует согласиться с Т.Г.Стефаненко, что в реальности люди имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя с двумя (а иногда и более) релевантными группами. Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в поликультурном обществе. Учитывая возможность подобной ситуации, Дж.Берри была предложена модель двух измерений этнической идентичности. Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга [Berry et al, 1992]:

-моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнической принадлежностью;

-моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, которая возможна в случаях, когда в полиэтническом обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и т.д. статус, чем своя;

-биэтническая идентичность, подразумевающая сильную, хоть и разного уровня идентификацию с двумя группами;

-маргинальная этническая идентичность, характерная для индивидов, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них.

В полиэтническом обществе наиболее благоприятна для человека биэтническая идентичность, т.к. она позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевая богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной [Стефаненко, 1999].

Когда мы говорим о неопределенности (нечеткости, амбивалентности) этнической идентичности, мы имеем в виду скорее маргинальную, а не биэтническую идентичность. Ее отличие в том, что индивиды с маргинальной идентичностью «балансируют» между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты, симптомами которых могут являться тревога, неуверенность, беспомощность, что может привести к негативным межэтническим установкам и стереотипам, т.е. этнической интолерантности.

Воспринимаемая дискриминация и интегральная безопасность

Важность роли воспринимаемой дискриминации в формировании межэтнических установок и успешности аккультурации выявлена во многих исследованиях. Например, была установлена связь между воспринимаемой дискриминацией и отсутствием желания иммигрантов идентифицироваться с новой культурой. Это ощущение имеет разного рода негативные последствия, в том числе может приводить к конфликту идентичностей. Связь между воспринимаемой дискриминацией и проблемами в психологической адаптации наблюдалась во многих зарубежных исследованиях у представителей различных этнических групп, например, турецких мигрантов в Канаде, временных поселенцев из США в Сингапуре, иностранных студентов в Новой Зеландии, мигрантов азиатского происхождения в Великобритании [цит. по Психология и культура, 2003].

Часто причиной межнациональной розни и воспринимаемой этнической дискриминации является утрата представителями контактирующих групп чувства

безопасности. На государственном уровне степень воспринимаемой членами общества безопасности косвенным образом влияет на политический курс страны, например, на иммиграционную политику [Jackson et al., 2001; Warhola, 2007]. В социальном контексте безопасность, ощущаемая этнической группой, связана с угрозой интрагрупповой идентичности ее представителей: восприятием настоящего и будущего положения группы в обществе, – так как именно социальное окружение является источником обратной связи [Ellemers et al., 2002]. Группа получает информацию о том, насколько проницаемы границы групп, а, следовательно, насколько вероятно сохранение или утрата этнической идентичности. Таким образом, обеспечивается восприятие определенной степени безопасности – члены группы осведомлены о силе угрозы их культурному, физическому и экономическому благополучию.

Одним из показателей происходящего процесса ассимиляции группы является сокращение ее численности [Sam & Berry, 2006] – признак угрозы «выживанию» группы. В исследованиях межкультурных отношений исследуются показатели физической, экономической и культурной безопасности/ угрозы [Sam & Berry, 2006].

Культурная безопасность подразумевает восприятие своей культуры как целостной, а также чувство, что культура нации и каждого отдельного человека представляет собой ценность, и никто не намерен принижать или разрушать эту культуру. В условиях демократического общества поддерживать культурную безопасность особенно сложно, так как все народы и этносы внутри одной нации должны занимать равное социальное положение [Tardif, 2002].

Экономическая безопасность предполагает уверенность в экономической стабильности государства и общества, а также в экономической заботе государства о своих гражданах. В понятие экономической безопасности также входит возможная конкуренция представителей доминирующих и недоминирующих групп на рынке труда [Kanji, 2003].

Физическая безопасность включает защиту от психологического и физического ущерба, наносимого индивиду: убийств, насилия, увечий, краж и психологического принуждения.

Как правило, три типа безопасности положительно коррелируют между собой и отрицательно связаны с предрассудками, стереотипами по отношению к иммигрантам, а также – с идеологией мультикультурализма². Чем больше представители доминирующей группы воспринимают себя в безопасности, тем легче им принять другие этнические группы и иммигрантов в обществе.

Тем самым возникает связь между ощущением включенности себя в общество и принятием других его членов: успех сохранения иммигрантами своей культурной идентичности, интеграция их с представителями доминирующей группы зависит от свойств принимающего сообщества. Роль безопасности в процессе аккультурации представлена на рисунке 3.

В зарубежной литературе наиболее полно феномен воспринимаемой безопасности раскрыт У. и К. Стефанами, которые предложили «теорию интегральной воспринимаемой угрозы» [Stephan & Stephan, 2000]. Их базовая модель включает в себя четыре типа угроз, которые, с их точки зрения, играют важную роль в образовании предрассудков и предубеждений. Эти типы следующие: реальная угроза, символическая угроза, межгрупповая тревожность и негативные стереотипы.

² Гипотеза мультикультурализма подразумевает, что позитивная этническая самоидентификация способствует уважению и принятию представителей других этнических групп, а также снижает вероятность формирования стереотипов и предубеждений в их отношении.

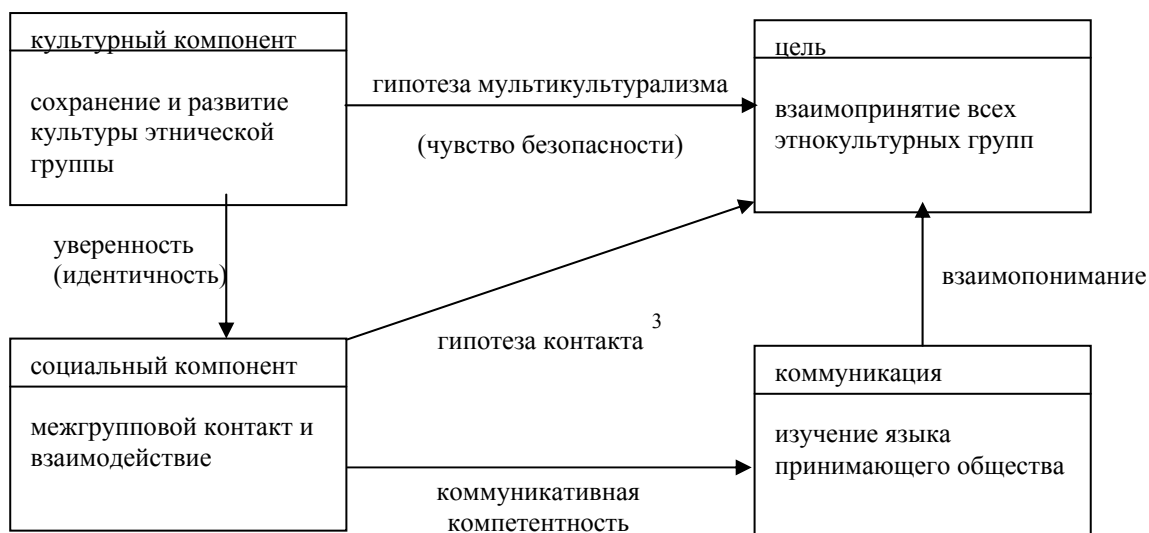

Рисунок 3. Место безопасности в процессе аккультурации [Sam & Berry, 2006]

Реальная угроза со стороны аутгрупп – это угроза политической и экономической самостоятельности ингруппы (например, военная угроза) и угроза физическому или материальному благополучию ингруппы и ее представителей (например, их здоровью). При этом в отличие от других теорий, касающихся угрозы (например, реалистической теории конфликта Ле Вайна и Кемпбелла), авторы теории воспринимаемой угрозы уделяют значительное внимание *воспринимаемым* угрозам, потому что восприятие угрозы может вести к предубеждениям, независимо от того, действительно ли угроза является реальной.

Символическая угроза касается воспринимаемых групповых различий в нормах, ценностях, стандартах, верованиях и установках. Символические угрозы - это, прежде всего, угрозы мировоззрению группы. Эти угрозы возникают, потому что представители ингруппы верят в моральную справедливость и универсальность собственной системы ценностей. Эмпирические исследования показали, что чем в большей степени ценности, обычаи, традиции ингруппы подвергаются блокированию со стороны аутгруппы, тем в большей степени будут негативны ингрупповые установки по отношению к аутгруппе [цит. по: Stephan & Stephan, 2000].

Межгрупповая тревожность - согласно У. и К. Стефанам люди во время межгруппового взаимодействия всегда подвержены субъективному чувству тревоги и беспокойства, потому что боятся негативных последствий для себя.

Страх негативных стереотипов или предубеждений со стороны членов другой группы. Авторы теории указывают на то, что стереотипы во многом отражают степень воспринимаемой угрозы со стороны внешней группы, поскольку основная функция стереотипов, заключается в регуляции собственного поведения при взаимодействии с членами аутгрупп. Сущность угрозы – это страх негативных последствий, который создается негативными стереотипами.

³ Гипотеза контакта [Amir, 1969] основана на убеждении, что межэтнические конфликты усугубляются незнанием чужой культуры. Если же представители противостоящих культур установят контакт, узнают точку зрения друг друга, они будут лучше понимать друг друга, этническая толерантность и принятие другой культуры повысится.

Четыре приведенных нами вида угроз используются в интегральной теории воспринимаемой угрозы для объяснения *отношения к членам аутгрупп*. Эмпирическая верификация данной теории осуществлялась в кросс-культурной перспективе. Первоначально исследовалось, могут ли четыре вышеуказанных типа угроз служить предикторами предубеждений по отношению к иммигрантам (использовалось три группы иммигрантов: из Мексики, Азии, Кубы) среди американцев. Оказалось, что хорошими предикторами установок по отношению к трем данным группам иммигрантов (по результатам регрессионного анализа) служили показатели *реальной угрозы, символической угрозы, негативные этнические стереотипы* [Stephan & Stephan, 2000].

Исследование было повторено на примере отношения к марокканцам, иммигрирующим в Испанию. Предикторами отношения к марокканцам были: *межгрупповая тревожность, стереотипы и реальная угроза. Символическая угроза*, на примере данной выборки не оказалась хорошим предиктором установок по отношению к марокканцам. Авторы теории воспринимаемой угрозы провели еще ряд аналогичных исследований на других группах иммигрантов и с применением более сложных математических методов (путевой анализ, моделирование структурными уравнениями) и с использованием дополнительных предикторов межэтнических отношений. В результате к первоначальной модели добавились факторы более высокого порядка. Оказалось, что все четыре вышеуказанных компонента воспринимаемой угрозы, в свою очередь, зависят от следующих факторов: силы идентификации с собственной группой, отношения личности к социальной поддержке членов аутгрупп (меньшинств), реального контакта между группами, уровня знаний о членах аутгрупп, наличия конфликтов в прошлом между группами и соотношения статусов групп (рис.3) [Stephan & Stephan, 2000].

Итак, теория воспринимаемой угрозы показывает, что для возникновения предубеждений и интолерантных установок совсем не обязательно наличие реальной угрозы со стороны членов аутгрупп. Негативное отношение к представителям аутгрупп помимо реального конфликта может быть обусловлено другими субъективными факторами: групповой идентичностью, уровнем знаний о членах аутгрупп, соотношением статусов групп, которые ведут к межгрупповой тревожности и субъективно воспринимаемой угрозе со стороны членов аутгрупп. Основываясь на данной теории можно предположить, что *воспринимаемая дискриминация* этнических меньшинств возникает таким же образом. Для возникновения ощущения дискриминации реальные дискриминационные действия со стороны доминирующей группы необязательны.

Роль воспринимаемой дискриминации в формировании межэтнических отношений поликультурных регионах России исследовалась Н.М. Лебедевой [Лебедева, 1995, 1997; Лебедева, Малхозова, 2002]. При исследовании процессов аккультурации русских в странах СНГ ею было показано, что «чем большее количество случаев ущемления прав (и чем больше сфер ущемления) в зависимости от национальной принадлежности отмечается человеком, тем негативнее его этническая идентичность и чувства, связанные с этнической принадлежностью» [Лебедева, 1997]. В исследовании, проведенном в Карачаево-Черкесии, было установлено, что опыт этнической дискриминации коррелирует с негативной установкой на межэтнические браки и с установкой на ограничение проживания людей на той или иной территории в зависимости от их национальной принадлежности [Лебедева, Малхозова, 2002].

Таким образом, в работах зарубежных и отечественных авторов показана важная роль восприятия (или опыта) дискриминации при формировании установок по отношению к этноконтактным группам. При этом восприятие угрозы или дискриминации со стороны аутгрупп могут привести к негативным межэтническим установкам, стереотипам, предубеждениям и негативности этнической идентичности, поэтому данную характеристику контекста, в котором протекают межэтнические отношения необходимо учитывать при изучении социально-психологических причин этнической толерантности-интолерантности.

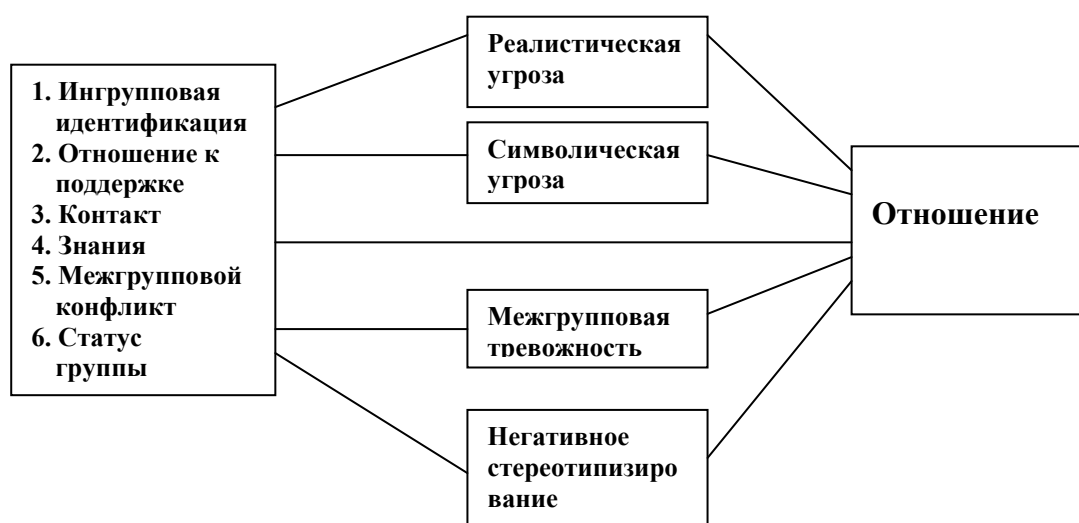

Рис. 3. Модель теории интегральной воспринимаемой угрозы (Stephan & Stephan, 2000).

В международных исследованиях последних лет были проведены измерения культурной и экономической угрозы (безопасности) с учетом существующего разнообразия культур и миграционных потоков. Данные показатели безопасности положительно коррелировали друг с другом, и отрицательно - с предубеждениями относительно иммигрантов и последствий мультикультурализма: чем больше люди чувствовали культурную и экономическую безопасность, тем больше они принимали мультикультурализм и положительно относились к иммигрантам [Berry & Kalin, 1995, 2000].

Теоретический подход к исследованию стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения

В психологических исследованиях межкультурного взаимодействия, обычно применялись независимо друг от друга два подхода [Berry, 2005]. В рамках одного из них, направленного на изучение межэтнических отношений, исследовались поведение и оценки доминирующих этнических групп относительно меньшинств: предрассудки, дискриминация, отношение к этническим группам, иммиграции и изменениям культуры вследствие миграций.

Однако данный подход не учитывал влияния меньшинства на мнение доминирующей этнической группы. Исследование, проведенное в Канаде [Berry, Kalin & Taylor, 1977] привело к пониманию того, что необходимо принимать во внимание и мнение меньшинства, чтобы понять специфику взаимоотношений между различными социальными группами. Данное исследование послужило началом ряда последующих исследований и дальнейшего анализа межкультурных взаимодействий, включая взаимоотношения доминирующих и недоминирующих социальных групп [Kalin & Berry, 1996].

Второй подход (с точки зрения аккультурации) исследовал представления меньшинств об их жизни в поликультурном обществе, опираясь на такие концепты как: стратегии аккультурации, стресс аккультурации, адаптация. Этот подход также являлся односторонним, так как не учитывал мнение доминирующей группы в отношении того, какую стратегию они оценивают как желательную и наиболее оптимальную, а также какое

влияние они могут оказать на выбор меньшинства. Данная сфера исследований в последнее время получила популярность [Sam & Berry, 2006], связанные с ней темы преобладают в программах конференций и на страницах журналов. В то время как на практике акцент делается на проблемах иммиграции [Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006], интерес проявляется и к изучению отношений коренных этнических групп и местных народностей [Berry, 1999a].

Одно из центральных понятий, включающих в себя все аспекты аккультурации и феномены межэтнических взаимодействий, – это **межкультурные стратегии**, которые характерны для любых социальных групп, вступающих в межкультурные отношения. Будучи колонизаторами или обитателями колоний, иммигрантами или коренными жителями, индивиды и группы людей имеют определенные предпочтения в связях своей группы с другими. Исследования доминирующих групп показали, что существуют определенные ожидания относительно того, как именно меньшинство должно приспособливаться к большинству. Данные представления получили название **«аккультурационные ожидания»** [Berry, 2003]. Помимо них, в доминирующей группе существуют определенные представления о том, как эта группа сама должна измениться, чтобы успешно взаимодействовать с другими группами в обществе – **«мультикультурная идеология»** [Berry, Kalin & Taylor, 1977].

Все эти межкультурные стратегии основаны на двух базовых моментах: 1) желание сохранить культуру и уникальность группы; 2) желание вступать в регулярные контакты с другими этнокультурными группами общества, включая и доминирующую группу. Однако не все группы и индивиды желают вступать в межкультурное взаимодействие. Если доминирующая группа ограничивает выбор представителей недоминирующих групп, исследователю необходимо учесть и третий фактор – способность доминирующей группы влиять на стратегии аккультурации, используемые недоминирующими группами [Berry, 1974]. В результате процесс аккультурации становится взаимным, обе группы выбирают стратегии в зависимости от условий конкретной ситуации взаимодействия.

Так, например, стратегия интеграции уместна и успешна в использовании недоминирующими группами только при условии, что доминирующая группа открыта по отношению к культурному разнообразию. Следовательно, для эффективной интеграции необходимы действия со стороны обеих групп, включая принятие обеими группами права на равное положение в обществе людей с разным этнокультурным происхождением. Эта стратегия ведет к принятию основных ценностей доминирующей группы со стороны меньшинства, в то время, как доминирующая группа должна быть готова скорректировать деятельность государственных организаций (система образования, здравоохранение, охрана труда) таким образом, чтобы они отвечали потребностям всех малых групп в поликультурном обществе.

Идеология и политика доминирующей группы представляют большой интерес для исследователей особенностей межэтнических отношений [Berry et al., 1977], в то время как исследователи аккультурации сосредоточены на предпочтениях представителей недоминирующих групп [Berry et al., 1989].

Борхес с коллегами [Bourhis, Moise, Senecal & Perrault, 1997; Montreuil & Bourhis, 2004] изучали ситуации, когда две взаимодействующие стороны имели разное представление о стратегиях аккультурации. Конфликт предпочтений в стратегиях и ожиданиях аккультурации является источником проблем во взаимодействии не только меньшинств с доминирующими группами, но и представителей большинства с меньшинствами. В ситуациях, когда опыт аккультурации является болезненным для представителей недоминирующих групп, наблюдаются признаки стресса аккультурации и межкультурные конфликты.

Роль мультикультурной идеологии. С появлением мультикультурной политики в 1971 году, большинство исследований в Канаде сосредоточились на изучении ее вклада в межкультурные взаимоотношения [Berry, 1984; Berry, Laponce, 1994]. В психологии и

ряде других наук, исследования аккультурации и предубеждений стали наиболее актуальными [Berry, 1990]. Гипотеза мультикультурализма (сформулированная Berry и др., 1977) заключается в том, индивидам, испытывающим чувство безопасности и уверенности, будет свойственно принятие представителей иных культур. Напротив, те, кто испытывает чувство незащищенности, угрозы, будут воспринимать других «в штыки».

Недавние исследования [Berry, 1997; Berry et al 2006a.b; Sam & Berry, 2006] показали, что ситуации, в которых предпочтение отдается стратегии интеграции, и эта стратегия успешно используется, способствуют хорошей психологической адаптации (ощущение благополучия и высокая самооценка) и социокультурной адаптации (компетентность в повседневном межкультурном взаимодействии) [Ward, 1999], в то время как выбор других стратегий не приводит к таким результатам. Более того, исследования показывают [Berry, Phinney, Sam & Vedder, 2006], что те, кто выбирают интеграцию, подвергаются дискриминации значительно реже, чем выбравшие стратегии сепарации или маргинализации. Меньше подвергаются дискриминации и индивиды, выбравшие ассимиляцию. Все это позволяет сделать вывод, что позитивные межкультурные оценки и отношения являются взаимными. Эмпирическим путем были обнаружены связи между стремлением к интеграции и общим состоянием благополучия: индивиды, сохраняющие ценности своей культуры, но при этом уважающие и разделяющие ценности иной культуры, имеют более высокую самооценку, а также устанавливают доброжелательные отношения с представителями иных культур.

Безопасность. В национальных исследованиях, проведенных в Канаде, измерения культурной безопасности/угрозы и экономической безопасности/угрозы были проведены с учетом существующего разнообразия культур и иммиграционных потоков. Данные измерения были направлены на проверку «гипотезы мультикультурализма». Для диагностики культурной безопасности, были представлены следующие формулировки: «англоязычные канадцы потеряют свою идентичность», «влияние канадцев французского происхождения ослабевает». Для оценки экономической безопасности высказывания формулировались так: «безработица продолжает расти» и «количество трупов будет увеличиваться». Данные показатели безопасности положительно коррелировали друг с другом и отрицательно - с предубеждениями относительно иммигрантов. Таким образом, как следовало из гипотезы мультикультурализма, чем больше люди чувствовали культурную и экономическую безопасность, тем больше они принимали мультикультурализм и положительно относились к людям, принадлежащим к другим этническим группам и иммигрантам. Например, в одном исследовании [Berry et al., 1977], культурная безопасность коррелировала отрицательно с этноцентризмом, и положительно - с мультикультурализмом и оценками его последствий. Экономическая безопасность имела сходные корреляции. Независимо от того, используем мы положительную формулировку данной гипотезы (безопасность как необходимое условие толерантности и принятия культурного многообразия) или отрицательную (угрозы культурной идентичности и равноправия стимулируют возникновение предрассудков), очевидно, что существует тесная связь между степенью принятия индивидом обществом и степенью принятия общества индивидом.

Измерения взаимных отношений этнокультурных групп. Существует предположение, что этноцентризм является социально- и психологически-универсальным понятием [LeVine & Campbell, 1972] и проявляется в том, что обычно группы воспринимают себя более позитивно, чем других. В исследованиях, проведенных в Канаде, можно проследить тенденцию каждой группы оценивать себя выше и более положительно, чем другие. Когда отношения к этнокультурным группам ясны, можно выстроить четкую **иерархию** между ними [Berry et al., 1977; Berry & Kalin, 1995]. В Канаде к западным и северным европейцам обычно относятся более положительно, чем к тем, кто имеет другое происхождение: Восточные и южные европейцы занимают более низкую позицию в иерархии, к ним примыкают и другие группы. Эти отношения были

изучены посредством оценок как иммигрантов, так и этнокультурных групп, и выяснилось, что отношение к иммигрантам менее положительное, чем к тем, кто родился и был воспитан в Канаде, но имеет то же культурное происхождение. Подобные иерархии были также обнаружены в Европе [Hagendoorn et al., 1998; Van Oudenhoven et al., 1996] и в Новой Зеландии [Ward, Masgoret & Leong, 2006]. Было доказано, что существует некая общая иерархия, очевидная для всех групп; эта общая иерархия признается большинством респондентов [Berry & Kalin, 1979; Kalin & Berry, 1996]. Таким образом, можно говорить о существовании единого и всеми разделяемого мнения относительно того, какое положение занимает та или иная группа в поликультурном обществе. Эти оценки могут различаться, хотя и незначительно.

Если считать, что межкультурные отношения представляют собой взаимозависимый феномен, возникает вопрос, являются ли отношения между этнокультурными группами общества также взаимозависимыми? В двух исследованиях [Berry & Kalin, 1979; Kalin & Berry, 1996], была обнаружена положительная корреляция между оценками, которые исследуемые группы давали друг другу. Таким образом, если одна группа симпатизирует другой, то другая группа ответит ей симпатией; и наоборот, антипатия порождает антипатию.

В нашем исследовании мы объединяем два ранее отдельно существовавших подхода к изучению межкультурных отношений (аккультурация и межэтнические отношения).

Цели, задачи, гипотезы проекта

Основная цель исследования – выявление факторов, способствующих снижению конфликтного потенциала во взаимодействии инокультурных мигрантов и принимающего населения, а также способствующих успешной адаптации мигрантов.

Задачи исследования:

1. Изучение взаимных установок инокультурных мигрантов и принимающего населения.
2. Изучение стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения.
3. Исследование факторов, обуславливающих взаимные установки и стратегии взаимодействия мигрантов и принимающего населения.

Основные гипотезы исследования:

- 1) позитивная этническая и гражданская идентичность, установки на мультикультурализм (мультикультурная идеология) способствуют взаимным позитивным установкам мигрантов и принимающего населения;
- 2) существует связь между чувством безопасности (или угрозы) и стратегиями межкультурного взаимодействия.

Эти цели и задачи были реализованы нами в серии эмпирических исследований взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения в поликультурных регионах Российской Федерации.

Литература

1. Берри Дж., Пуртинга А. и др. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2007.
2. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
3. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В. «Эмиграция и репатриация в России». – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001.
4. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М. 1999.
5. Толерантность в межкультурном диалоге / отв. ред. Лебедева Н.М. Татарко А.Н. М, ИЭА РАН, 2005.
6. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. 195 с.

7. Лебедева Н.М. Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дисс. докт. псих. наук. М., 1997.
8. Лебедева Н.М., Малхозова Ф.М., Социально-психологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкесии – в Лебедева Н.М. (ред.) Идентичность и толерантность, М.Изд-во ИЭА РАН, 2002, с.152-168.
9. Лебедева Н.М. Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге./ Межкультурный диалог: Курс лекций по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия» (под ред. В.А.Тишкова, М.Ю. Мартыновой, Н.М.Лебедевой), М., 2004, Изд-во РУДН, стр. 204-255.
10. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности. // Психологический журнал, 2005, Том 26, № 3, с. 61-74.
11. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантности в поликультурных регионах России// Толерантность в межкультурном диалоге / Отв.ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ИЭА РАН, 2005. С.:10-41.
12. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и интолерантности (по материалам Южного федерального округа) // Толерантность в межкультурном диалоге / Отв.ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ИЭА РАН, 2005. С.:160-196.
13. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Изд-во «Питер», 2003.
14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект-пресс, 1999.
15. Тишков В.А. Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. – М., 1997.
16. Юсуповский А. Миграционные вызовы, «мигрантофобия» и особенности неолиберальной идеологии // «Политический класс» 12, 2007.
17. Abrams D.& Hogg M. (Eds.), Social identity theory: Constructive and critical advances. N.Y., 1990.
18. Allport, G. The nature of prejudice. N.Y.:Doubleday, 1954.
19. Adler L.L., Uwe P. Cross-Cultural Topics in Psychology. //Gielen; Praeger, 1994.
20. Amir Y. Contact hypothesis in ethnic relations.// Psychological Bulletin. 71:319-42, 1969.
21. Ataca, B., Berry, J.W. Sociocultural, psychological and marital adaptation of Turkish ommigrant couples in Canada. International Journal of Psychology, 2002, 37, 13-26.
22. Berry, J.W. Psychological aspects of cultural pluralism. Culture Learning, 1974, 2, 17-22.
23. Berry, J.W. Acculturation as varieties of adaptation. In A. Padilla (Ed.), Acculturation: Theory, models and some new findings. Boulder: Westview Press. 1980, pp.9-25.
24. Berry, J.W. Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis. Canadian Journal of Behavioural Science, 1984, 16, 353-370.
25. Berry, J.W. The role of psychology in ethnic studies. Canadian Ethnic Studies, 1990, 22, 8-21.
26. Berry, J.W. Immigration, acculturation and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 1997, № 46, 5-68.
27. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, 1992.
28. Berry J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada. Ottawa: Supply and Servises Canada. 1977.
29. Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society. International Journal of Intercultural Relations. 1979. 3. 99-112.
30. Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey. Canadian Journal of Behavioural Science. 1996, 27 (3), 301-320.
31. Berry, J.W. Aboriginal cultural identity. Canadian Journal of Native Studies, 1999a, 19, 1-36.
32. Berry, J.W. Intercultural relations in plural societies. Canadian Psychology, 1999b, 40, 12-21.
33. Berry, J.W. Conceptual approaches to acculturation. In K. Chun, P. Balls-Organista, & G. Marin (Eds). Acculturation: Advances in theory, measurement and application. Washington: APA Books. 2003, pp. 17-37.
34. Berry, J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures. International Journal of Intercultural Relations, 2005, № 29. P. 697-712.
35. Berry, J.W. & Kalin, R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey. Canadian Journal of Behavioural Science, 1995, № 27, 301-320.

36. Berry, J.W. and Kalin, R. Multicultural policy and social psychology: The Canadian experience. In S. Renshon & Duckitt, (Eds). *Political psychology: Cultural and cross-cultural foundations*. London: MacMillan. 2000, pp. 263-284.
37. Berry, J.W. & Laponce, J (Eds.) *Ethnicity and culture in Canada: The research landscape*. Toronto: University of Toronto Press, 1994.
38. Berry, J.W. Phinney, J.S, Sam, D.L. & Vedder, P. (Eds.) *Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006a.
39. Berry, J.W. Phinney, J.S, Sam, D.L. & Vedder, P. (Eds.). *Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation*. *Applied Psychology: An International Review*, 2006, 55, 303-332.
40. Berry, J.W. ,Poortinga, Y.H. Segall, M.H. & Dasen P.R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. New York: Cambridge University Press, 2002.
41. Berry J.W., Pleasants M. *Ethnic tolerance in plural societies*. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism, Potsdam, 1984.
42. Berry J.W. *Mutual intercultural attitudes in plural societies: the MIRIPIS project*. //Psychology department, Queen's University, Kingston, Canada, 2006 (рукопись).
43. Bochner S. *The social psychology of cross-cultural relations* // *Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction* / Ed. by S. Bochner. Oxford, 1982. P. 5-44.
44. Bond M. *Finding universal dimensions of individual variation in multicultural studies of values: The Rokeach and Chinese value surveys*.// *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988, 55, 1009-1015.
45. Bond M. *Chinese values and health: A cross-cultural examination*// *Psychology and health*, 1991,5,137-152.
46. Boucher et al. *Ethnic conflict: International perspectives*. //Sage, 1987.
47. Bourhis, R. *Ethnic and language attitudes in Québec*. In J.W. Berry & J. Laponce (Eds.). *Ethnicity and culture in Canada: That research landscape*. Toronto: University of Toronto Press. 1994, pp. 322-360.
48. Bourhis, R., Moise, C., Perreault, S., & Senecal, S. *Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach*. *International Journal of Psychology*, 1997, № 32, 369-386.
49. Brewer M., Campbell D.T. *Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence*. New York. Sage/Halsted. 1976.
50. DeRidder R. & Tripathi, R. (Eds.) *Norm violation and intergroup relations*, Oxford: Clarendon, 1992.
51. Deschamps, J. & Doise W. *Crossed category membership in intergroup relations*. In H.tajfel (Ed.), *Differentiation between social groups*. London: Academic, 1978.
52. Diaz-Guerrero R. *Toward A Psychological Nationalism*// *Peace and conflict: Journal of Peace Psychology*, 3(4), 1997.
53. Dijker A. *Emotional reactions to ethnic minorities*.// *European Journal of Social Psychology*, 1987, 17, 305-325.
54. Doise W. & Sinclair A. *The categorization process in intergroup relations*.// *European Journal of Social Psychology*, 1973, 3, 145-157.
55. Dollard et al. *Frustration and aggression*, NH: Yale University Press,1939.
56. Dovidio J.F., Esses V.M. *Immigrants and Immigration: Advancing the psychological perspective*.// *Journal of Social Issues*. Volume 57, number 3. Fall 2001.
57. Duckitt J. *The social psychology of prejudice*. Westport, Conn.: Praeger. 1994.
58. Ellemers, N., Spears, R. & Doosje, B. (2002). *Self and Social Identity*. *Annual Review of Psychology*, 53, 161-186.
59. Esses V.M., Dovidio J.F., Jackson L.M., Armstrong T.L. *The immigration dilemma: the role of perceived group competition, ethnic prejudice, and national identity*.// *Journal of Social Issues*. Volume 57, number 3. Fall 2001.
60. Esses V., Haddock G. & Zanna, M. *Values, stereotypes and emotions as determinants of intergroup attitudes*. In D.M. Mascie & D.L. Hamilton (Eds.) *Affect, cognition and stereotyping: Interactive process in group perception*. N.Y.: Academic, 1993, 137-166.
61. Forrest S. *Indigenous Identity as a Strategy for Cultural Security*. Presented at Northern Research Forum, Plenary on Security, Yellowknife, NWT. September 18, 2004.
62. Furnham A. & Bochner S. *Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments*. New York: Methuen, 1986.

63. Gaertner et al. The contact hypothesis: The role of common ingroup identity on reducing of intergroup bias // *Small Group research*, 1994, 25, 224-249.
64. Gudykunst W. et al. Uncertainty reduction in Japanese –North American dyads.// *Communication Research reports*, 1986, 3, 39-46.
65. Gudykunst W. et al. The influence of individualism-collectivism on communication in ingroup and outgroup relationships.// *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1992, 23, 196-213.
66. Gudykunst W. & Shapiro R. Communication in everyday interpersonal and intergroup encounters.// *International Journal of Intercultural Relations*, 1996, 20, 19-45.
67. Gudykunst W. & Ting-Toomey S. *Culture and interpersonal communication*. Beverly Hills, CA: Sage, 1988.
68. Hagendoorn, L. et al.. Interethnic preferences and ethnic hierarchies in the former Soviet Union. *International Journal of Intercultural Relations*, 1998, № 22, 483-503.
69. Haslam A., Turner J.C., Reynolds K.J. Social identity and self-categorization theories' contribution to understanding identification, salience and diversity in teams and organizations. *Research on Managing Groups and Teams*, Volume 5, 2003.
70. Hinkle S & Brown, R. Intergroup comparison and social identity. In Abrams D.& Hogg M. (Eds.), *Social identity theory: Constructive and critical advances*. N.Y., 1990, pp.48-70.
71. Hett J. The development of an instrument to measure global-mindedness.// *Dissertation Abstract International*, 52, 2099A, 1991.
72. Hofstede G. *Culture's consequences: international differences in work related values*. Abridged ed. - Newbury Park: Sage Publ., 1984.
73. Horenczyk, G. Immigrants' perceptions of host attitudes and their reconstruction of cultural groups. *Applied Psychology: An International Review*, 1997, 46, 34-38.
74. Horowitz D.L. *Ethnic groups in conflict*. Berkley; Los Angeles; London. 1985.
75. Jackson J.S., Brown K.T., Brown T.N., Marks B. Contemporary immigration policy orientations among dominant-group members in Western Europe.// *Journal of Social Issues*. Volume 57, number 3. Fall 2001.
76. Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Jaakkola M, Reuter A. Perceived Discrimination, Social Support Networks, and Psychological Well-being Among Three Immigrant Groups.// *Journal of Cross-cultural Psychology*, 37.3, 2006.
77. Islam M. & Hewstone M. Dimensions of contact as predictors of intergroup anxiety, perceived outgroup variability, and out group attitude.// *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1993, 19, 700-710.
78. Kalin, R. & Berry, J.W. Social ecology of ethnic attitudes in Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1982, № 14, 97-109.
79. Kalin, R. & Berry, J.W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys. *Canadians Ethnic Studies*, 1995, № 27, 1-15.
80. Kalin, R. & Berry, J.W. Interethnic attitudes in Canada: Ethnocentrism, consensual hierarchy and reciprocity. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1996, № 28, 253-261.
81. Kanji, Omario. "Security." *Beyond Intractability*. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: October 2003.
82. Kim S. & Smith R. Revenge and conflict escalation.// *Negotiation Journal*, 1993, 9, 37-43.
83. Landis D. & Boucher, J. Themes and models of conflict. In J. Boucher, D.Landis, & K.Clark (Eds.), *Ethnic conflicts: International perspectives*, 1987, Beverly Hills, CA: Sage, pp.18-31.
84. Landis D. Globalization, migration into urban centers, and cross-cultural training// *International Journal of Intercultural Relations*, May 2008.
85. LeBaron, Michelle. "Cross-Cultural Communication." *Beyond Intractability*. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder, 2003.
86. Lebedeva N., Tatarko A. Socio-psychological factors of ethnic intolerance in Russia's multicultural regions//in B.Setiadi at al. *Ongoing Themes in Psychology and Culture/ IACCP Press*, 2004, p. 507-533.
87. Lee Y.-T., McCauley C.R., Draguns J.G. *Personality and Person. Perception across cultures*.// Lawrence Erlbaum Associates, 1999.
88. LeVine, R. & Campbell, D.T. *Ethnocentrism*. New York: Wiley, 1972.
89. Leung K. Theoretical advances in Justice behavior: Some cross-cultural inputs. In M.Bond (Ed.) *The cross-cultural challenge to social psychology*, 1988, Newbury Park, CA: sage, pp.218 - 229.

90. Lewis R., Rowland R., Clem R. Modernization, Population Change and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan. // Canadian Slavonic Papers. 1975. № 2-3.
91. Lilli W. & Rehm, J. Judgmental processes as bases of intergroup conflict. In W. Strobe, A. Kruglanski, D. Bar-Tal & M. Hewstone (Eds.) The social psychology of intergroup conflict. 1988 N.Y.: Springer-Verlag.
92. Mishra, R.C., Sinha, D. & Berry, J.W. Ecology, acculturation and psychological adaptation among Adivasi in India. Delhi: Sage Publications, 1996.
93. Moghaddam F. Managing cultural diversity: North American experiences and suggestions for the German unification process.// International Journal of Intercultural Relations , 1993, 28, 727-741.
94. Moghaddam F. & Taylor D. The meaning of multiculturalism for visible minority immigrant women.// Canadian Journal of Behavioral Science, 1987, 19, 121- 136.
95. Montreuil , A. & Bourhis, R. Acculturation orientations of competing host communities toward valued and devalued immigrants. International Journal of Intercultural Relations, 2004, № 28, 507-532.
96. Oberg. K. Cultural shock: Adjustments to new cultural environments. //Practical Anthropology, 7, 1960.
97. Pain E.A. Xenophobia and Ethnopolitical Extremism in Post-Soviet Russia: Dynamics and Growth Factors// Nationalities Papers, 35/5, November 2007.
98. Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P. & Obdrzalek, P. Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. . International Journal of Intercultural Relations, 2000, 24, 1-26.
99. Redfield, R., Linton, R., & Herskovits, M.J. Memorandum for the study of acculturation. American Anthropologist, 1936, № 38, 149-152
100. Riemann R. et al. Personality and attitudes toward current political topics. // Personality and Individual Differences, 1993, 15, 313-321.
101. Sagiv L. & Schwartz, S. Value priorities and readiness for out-group social contact.// Journal of Personality and Social Psychology, 1995, 69, 437-448.
102. Sam, D.L & Berry, J.W (Eds). Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
103. Schooler C. Cultural and Social-Structural Explanations of Cross-National Psychological Differences.// Annual Review of Sociology, Vol. 22, 1996.
104. Schwartz S. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M.Zanna (Ed.) Advances in experimental social psychology, 1992, 25, 1-65.
105. Scott W. Psychological and social correlates of international images. In H.Kelman (Ed.) International behavior: A social-psychological analysis., 1965 N.Y.: Holt, Rinehart and Winston.
106. Seligman, M.E.P. Helplessness: On Depression, Development, and Death. San Francisco: W.H. Freeman, 1975.
107. Sherif, M. Group conflict and cooperation: Their social psychology. London: Routledge and Kegan Paul. 1966.
108. Smith, M. Nationalism, ethnocentrism and new world order.// Journal of Humanistic Psychology, 1992, 32.
109. Smith P.B., Bond M.H. Understanding social psychology across cultures. Sage Publications 2006.
110. Spence-Brown, R. Japanese exchange student overseas.// Journal of Asian Pacific Communication, 1993, 4, 193 –207.
111. Standor, C. Sullivan, L. & Ford, T. Affective and cognitive determinants of prejudice. // Social Cognition, 1991, 9, 359-380.
112. Staub E. The evolution of caring and nonaggressive persons and societies.// Journal of Social Issues, 1988, 44, 81-100.
113. Staub E. Moral exclusion, personal goal theory, and extreme destructiveness. // Journal of Social Issues, 1990, 46, 47-64.
114. Stephan, W. & Stephan, C. Intergroup anxiety.// Journal of Social Issues, 1985, 41, 157-176.
115. Stephan W.G., Stephan C.W. Improving intergroup relations. Sage Publications., 2001.
116. Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / Ed. by. S. O'Leary: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000. P. 23-44.
117. Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison. In H. Tajfel Differentiation between social groups. London: Academic, 1978, pp. 61-76.

119. Tardif J. The hidden dimensions of globalization: what is at stake geoculturally.//Attac, May 2002.
120. Thalhofer N. Intergroup differentiation and reduction of intergroup conflict. // Small Group Research ,1993, 24, 28-43.
121. Triandis H. Collectivism vs. Individualism. In G.Verma & C. Bagley (Eds.) Cross-cultural studies of personality, attitudes, and cognition. London: Macmillan, 1988, pp. 60-95.
122. Triandis H. Individualism-Collectivism. Boulder, CO: Westview, 1995.
123. Triandis H., Culture and social behaviour. N.Y. etc., McGraw-Hill, 1994
124. Turner J. et al. Social categorization, interpersonal attraction and group formation.// British Journal of Social Psychology, 1983.
125. Van Oudenhoven, J.P., Groenewoud, J.T. & Hewstone, M. Cooperation, ethnic salience and generalization of interethnic attitudes. European Journal of Social Psychology, 1996, № 26, 649-661.
126. Verkuyten, M. 'Abnormalization' of ethnic minorities in conversation.// British Journal of Social Psychology, 40, 2001.
127. Ward, C. Acculturation. In D. Landis & R. Bhagat (Eds.), Handbook of intercultural training (2nd ed., pp. 124-147). Newbury Park: Sage, 1996.
128. Ward, C. The measurement of sociocultural adaptation. International Journal of Intercultural Relations, 1999, № 56, 1-19.
129. Ward, C., Masgoret, A-M, & Leong, C-H.. Immigration, acculturation and intergroup relations in New Zealand. Paper presented at IACCP Congress, Spetses, Greece, 2006.
130. Ward, C. The measurement of sociocultural adaptation. International Journal of Intercultural Relations, 1999, № 56, 1-19.
131. Ward C. Culture Learning, Acculturative Stress, and Psychopathology: Three Perspectives on Acculturation. //Applied Psychology, 46 (1), 1997.
132. Warhola J.W. Political Order, Identity, and Security in Multinational, Multi-Religious Russia// Nationalities Papers, 35/ 5, November 2007.
133. Weinfeld M. A preliminary stock-taking on immigration research in Canada. //McGill University, Metropolis Conference, 1998.
134. Wetherell M. Cross-cultural studies of minimal groups. In H. Tajfel (Ed.) Social identity and intergroup relations, Cambridge, 1982, pp. 207-238.
135. Wheeler L., Reis H. & Bond M. Collectivism-individualism in everyday social life: The middle kingdom and the melting pot. // Journal of Personality and Social Psychology, 1989, 57, 79-86.
136. Wish M., Deutsch M. & Kaplan S. Perceived dimensions of interpersonal relations. // Journal of Personality and Social Psychology, 1976, 33, 409-420.
137. United Nations (2005). UN population report 2005. New York: United Nations Statistics Division.